

Алексей Гришин

Зрелость и белой лошади к лицу

«Иногда мне хочется сказать, обращаясь к себе: «Анатолий, не говори, брат, красиво...» Но старый конь, привыкший к цирковой арене, все еще по привычке мотает в поклонах головой, кокетливо выбрасывает подагрические ноги, размахивает поседевшей гривой и, как избалованный публикой тенор, ждет аплодисментов».

Анатолий Горюшкин. «Театр одного актера»

Откуда у него этот образ? – Не знаю. Но циркового коня мы с ним видели пять или шесть лет назад в *Воронцовском парке* (юго-запад Москвы). По субботам и воскресеньям туда приезжала на белой лошади юная всадница. Как только она спешивалась, главным действующим лицом становился ее конь. Замирая в явно балетной позиции перед бывшей барской усадьбой, он, конечно же, надеялся на аплодисменты. Копыто левой задней ноги лишь самым мыском едва касалось брусчатки. Лошадь стояла абсолютно неподвижно, честно отрабатывая номер. В конце концов, какая-нибудь мама, выгуливающая поблизости своего ребенка, сажала его в седло. Мы всегда останавливались, как и большинство проходивших мимо, и смотрели на эту картину издали, чтобы видеть целиком...

Наш обычный маршрут был другим. Встретившись у кольцевой станции метро *Парк культуры*, пересекали *Комсомольский проспект* (в самом его начале), шли до первого сквера, позволяющего свернуть к набережной, и переходили на другой берег реки. Пройдя с остановками на перекус весь *Нескучный сад*, возвращались по двухъярусному лужниковскому мосту на левобережье и разъезжались по домам – каждый на своем троллейбусе.

Успевали обменяться мнениями чуть ли не обо всех писателях не только *золотого*, но и *серебряного* века, до странности совпадая в оценках. Тем не менее, когда он объявил, что не сторонник так называемых «стихов с содержанием», показалось нужным уточнить, правильно ли его понимаю.

– Иногда получается...

– Да? Например?

– *Прощай, немытая Россия.*

– Кто-то вышел из «Шинели» Гоголя, а я, пожалуй, из шинели лермонтовского Печорина. А может быть, из шинели Грушницкого.

Вот так. Опять совпали. Выяснилось, что в его системе координат (так же, как и в моей) Лермонтов занимает особое место.

Он (еще неосознанно) обдумывал «Театр одного актера», отбирал материал. На ходу пересказывая сюжет за сюжетом, проверял, будет ли интересно другим. Потом многое перенес на бумагу слово в слово. Что-то отсеивалось.

Конечно, говорили не только о литературе. Однажды, порадовавшись тому, что наладился выход в свет многотомной «Поэзии Московского университета от Ломоносова и до...», спросил у него, не значимая ли фамилия «Горюшкин». Ответил мгновенно: «Вот увидишь, на шестом томе (его стихи были в шестом томе) сломается». И как в воду глядел. Сломалось раньше. Однако это невежество, не имеющее ничего общего с литературой. В отношениях с ней – полный порядок.

Недавно прочитал мне дополнительную главу к «Театру одного актера». Трудно было поверить, что можно улучшить эту хорошо структурированную автобиографичную прозу. От добра добра не ищут... Получилась «перебивка», расчлененная на несколько эпизодов. Стало лучше. Глупо пересказывать прозу поэта. Но «Полустанок Яр» привиделся. А сны пересказывают.

«Яр. Крутояр. Обрыв... А под ним – бездна. И на краю этого крутояра висит твоя жизнь...». – Мозговой центр, вырабатывающий дидактику, выключен. Нет блюдечка с голубой каемочкой, на котором выложены готовые смыслы. Все связи ассоциативны. – Ночное застолье. – Спутница, запивающая ледяным шампанским пение цыганских скрипок (к утру, смахнув слезинку белоснежным платком с монограммой «Э. П.», признается, что она –

женщина-строка из чужого стихотворения). Ее зовут Линор. В доказательство предъявлено само стихотворение:

«Ждал я дня из мрачной дали, тщетно ждал, чтоб книги дали
Облегченье от печали по утраченной Линор...»

Ничего не поделаешь. – Черный ворон, сидящий на заснеженной березе возле пассажирской платформы, где остановился поезд, должен быть похожим, хотя бы внешне, на Эдгара По.

Человек, осторожно спустившийся из вагона на безлюдный перрон, оказывается Чеховым. Неожиданно. Впрочем, выглядит он узнаваемо (пальто до пят, фетровая шляпа, пенсне, в руках старомодный медицинский саквояж – сельский врач приехал совершить обход среди крестьян ближайшей деревни, логично). Его мысли вслух тоже очень чеховские. А рядом с Антоном Павловичем логично появление автора «Антоновских яблок» – Бунина в форменной фуражке дежурного по станции.

Действие развивается, отталкиваясь от сложившихся обстоятельств. Естественно, что дежурный замечает на дальнем краю платформы крепкого старика, заросшего седой бородой, в зипуне, подпоясанном веревкой, и огромных обшитых внизу кожей доисторических валенках, как будто снятых с ноги неандертальца. С особенным удовольствием «дворник» выметает на раскисшую дорожку несколько перьев, занесенных ветром из разоренного гнезда черного ворона. Иван Алексеевич подходит к нему «как солдат к генералу», и они говорят о смерти «какого-то Ивана Ильича».

У входа в зал ожидания поставлена гипсовая статуя. Скульптурная лепка надменного гипсового лица «напоминает лик поэтессы, которая через десять лет с парадного входа войдет в недостроенный, пахнущий увядшими фиалками и порохом революций желтый дом Русской поэзии...» (еще только войдет, а памятник уже есть – полустанок находится в точке пересечения времен, прошлое переливается в настоящее, иногда заскакивая в будущее).

Точная дата происходящего, судя по аршинным буквам над входом в зал ожидания и форменной фуражке дежурного, а главное –

по самоощущению, – четвертое марта тысяча восемьсот девяносто девятого года. По этой причине, видимо, Федор Михайлович с Настасьей Филипповной остаются за кадром, хотя и на слуху...

В концовке эпизода отдохнувший паровоз накрывает платформу облаком пара и дергает вагоны. Из зала ожидания доносится чей-то вопрос: «Русь, куда же несешься ты? Дай ответ...». Русь как всегда молчит – и не дает ответа. Лишь совсем лишившийся рассудка черный ворон прокаркал простуженным басом: «Ну, давай, поедем к «Яру»...»

«Полустанок «Яръ», теряя очертания и краски, медленно, как в полусне, растворился в золотой бездне мартовского дня».

Вот такой сон (или полусон) с форточками в чужие сны, в целую библиотеку чужих снов... и – в собственное творчество, которое *уже не втянешь в спор и не заластишь*. Выделенное курсивом принадлежит Пастернаку. С Пастернаком ему удалось встретиться. Будучи студентом последнего курса журфака, пришел к Мэтру показать свои стихи. Следом за ним (в том же 1957 году) в Переделкино ходил еще один поэт. Мэтр, которого уже начинали клевать за «Доктора Живаго», тем не менее поинтересовался, где Толя, назвав его «номиналистом». Толя был на Сахалине. Работал там по распределению в районной газете.

«Номиналист». – Хорошо это или плохо? В любом случае чаще о таких говорят: родились не в то время или не в том месте, забывая, что *место врача в тифозном бараке*.

Фрагмент из «Театра одного актера» опубликован в «Гранях». В эмигрантском по корням журнале. Закономерно. Опубликовали «своего». Конечно, он – эмигрант. Эмигрант внутренний и не по своей воле. Сам ни в какую эмиграцию не стремился. Но так вышло.

Так уж вышло в жизни нашей –
И чем дальше, тем верней –
Свято место у Параши
И – Культура – имя ей.

В *пост-совковых*,
поп-совковых

От судьбы – не продохнуть...
И от запахов знакомых
В андеграунд держим путь.

Никогда не знаешь, где найдешь. Елена Дунская (две строфы, процитированные выше, принадлежат ей) – прекрасная поэтесса (к тому же поющая). Но всегда страшно занята. Поэтому легко представить, как, обозначив тему электронной почты (Зрелость и белой лошади к лицу), она встает и, прихватив свой флагманский Android, поддерживающий разговор неопределенной длины, идет на кухню посолить суп и проверить заодно, не подгорает ли курица, вращающаяся на вертеле в духовке. Сняв птицу с вертела и отломив хрустящее крылышко, она снова садится за компьютер и заканчивает прерванную работу, глядя в телевизор. В результате письмо я получаю на совершенно другую тему. Не связанный с текстом заголовок про цирковую лошадь из парка, которую Дунская тоже видела, соединился в моей голове с образом, придуманным Горюшкиным: «Но старый конь, привыкший к цирковой арене...». В итоге точное слово, чтобы охарактеризовать возраст этого *Человека и Холстомера*, нашлось – *зрелость*. Именно зрелость. Потому что старости не было.

С восьмидесятилетием, Анатолий Александрович! В России надо жить долго...

Москва

